

УДК 94(47).082+083

Е.А. КРЕСТЬЯННИКОВ

**УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***Тюменский государственный университет
e-mail: krest_e_a@mail.ru

В статье рассматриваются будни судебных чиновников мировой юстиции в Западной Сибири в дореволюционный период. Специфика этого судебного института в крае и сибирские условия порождали трудности, которые приходилось преодолевать местным мировым судьям. По сравнению с другими служащими ведомства Министерства юстиции они были более обременены делами, испытывали недостаток материальных средств и переживали бытовую неустроенность; все это негативным образом сказывалось на качестве их труда. Повседневная судебная деятельность демонстрировала несостоятельность попыток столичных чинов учесть региональную специфику, и мировая система правосудия находилась в перманентном кризисе.

Ключевые слова: судебная реформа, Западная Сибирь, мировые суды.

В 1897 г. в ходе реформы юстиции на основе Судебных уставов Александра II в Сибири учреждался мировой суд. Он отличался уникальной организацией: не предусматривались съезды мировых судей, ущемлялась их независимость, не соблюдалась их и несменяемость, более того, они не выбирались, а назначались. На практике выполняли обязанности и судебных следователей, а в некоторых местностях и нотариусов; были чрезвычайно расширены пределы компетенции мировых установлений, а количественный состав судей вводился в заведомо ограниченном виде. По мнению чиновников Министерства юстиции и самого министра юстиции Н.В. Муравьева, создание мирового суда в таком виде было вызвано необходимостью приблизить местный суд к населению и уменьшить его стоимость¹.

Особенностями устройства и судебной системы, и самого края определялись условия быта и деятельности мировых судей в западносибирском регионе. После реформы 1897 г. они оказались в чрезвычайно трудном положении, на грани катастрофы. Недаром сибирский адвокат Р.Л. Вейсман писал, что «крах мирового суда последовал немедленно» после его учреждения в Сибири [1, с. 41].

В первые же месяцы функционирования новой местной юстиции выяснилось, что количество возникавших дел мировой подсудности намного превышало все нормы допустимой нагрузки, судам приходилось работать в условиях чрезвычайных пере-

грузок. Так, в некоторых участках Тобольской губернии во втором полугодии 1897 г. возникло дел больше, чем мировые судьи должны были рассмотреть за год². По подсчету председателя Томского окружного суда Ф.Ф. Демпа, в начале 1898 г. в мировые установления Томской губернии поступало дел мировой подсудности в 3 раза больше допустимого количества, а следственных дел – в 2 раза³. Это неизбежно порождало волокиту. На 1900 г. в производстве у мировых судей Томской губернии оставалось примерно 14 тыс. нерешенных судебных дел, на 1901 г. – около 15 тыс., а на 1902 г. – уже более 17 тыс.⁴ В течение первого десятилетия XX в. основные показатели деятельности мировой юстиции Западной Сибири постоянно ухудшались. К 1909 г. в Томской губернии остались нерешенными 24 015 уголовных дел мировой подсудности, в Тобольской – 9729. Западносибирский мировой суд прочно занимал первое место по волоките среди таких же учреждений многочисленных регионов, где не были учреждены съезды мировых судей⁵.

Причины волокиты коренились, кроме прочего, в нерациональной организации деятельности служителей Фемиды, в дефиците материального обеспечения судебной службы, в недостаточном обустройстве судейского быта. Соединение в руках мировых судей судебных и следовательских обязанностей оказалось трудно совместимым. По следственным делам судья

² Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 80–81.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 79 об., 80 об.–81.

⁴ ИА ОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–14, 17–20.

⁵ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. СПб., 1911. Вып. 25. С. 226–230.

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, контракт № П661 от 10.08.2009.

¹ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. СПб., 1896. С. 506.

вынужден был разезжать по участку, тогда как интересы суда требовали от него постоянного присутствия на посту. Такое объединение функций Р.Л. Вейсман называл «несчастливым браком, требующим немедленного развода» [1, с. 41]. Как указывал другой современник, сибирскому мировому судье была уготована роль «вечно спешащих следователей и никогда не успевающих судей» [2, с. 45].

Частые разъезды, связанные со следствием, нарушали режим работы мировых судей, а если при этом возникали какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, судебная деятельность была практически парализована [3; 4]. Мировой судья с девятилетним стажем В.Н. Анучин утверждал, что судьи пребывали в поездках по участку по 60 часов в месяц, проезжая при этом по 500–600 верст [5, с. 28]. Например, по два-три месяца в поездках по следственным делам проводили ежегодно мировые судьи в Барнаульском уезде в 1905–1908 гг.⁶

Особенно трудно приходилось судьям из огромных по площади участков. Так, во 2-й участок Томского уезда входил обширный Нарымский край. На поездке в Нарым мировой судья тратил, как минимум, по две недели (этот населенный пункт находился в 475 верстах от Томска, где располагалась камера судьи), причем часто его поездки оканчивались безрезультатно. В июне 1903 г. вследствие недельного опоздания парохода судья прибыл в Нарым позже назначенных для разбирательств сроков, и вызванные на них не явились⁷. В начале лета 1908 г. мировой судья этого участка на месяц выключился из графика работы в связи с очередной неудачной поездкой в Нарымский край. Выехав туда 29 мая, он вернулся в Томск 22 июня, не решив назначенных там к разбору дел из-за невозможности в условиях распутицы собрать необходимых для следствия лиц. В те же сроки мировой судья 1-го участка Кузнецкого уезда выехал для производства следствий в одно из сел, но вынужден был вернуться с полдороги в Кузнецк, не выполнив намеченных дел, – из-за обильных осадков бурные потоки таежных рек снесли все мосты⁸.

Драмой закончилась поездка мирового судьи 4-го участка Змеиногорского уезда Н.С. Титова в одно из сел. 4 ноября 1907 г. он на час оставил без присмотра свою повозку, в которой вез 47 уголовных, 12 гражданских, 7 следственных дел и 3 поручения окружного суда. Вернувшись, он обнаружил, что лошади с повозкой исчезли. В течение года Н.С. Титову приходилось восстанавливать утраченные дела⁹.

Очевидно, что нагрузка мировых судей не соотносилась с их физическими силами. На этих судей, как говорил с трибуны Государственной думы сибирский депутат А.И. Шило, «наваливают столько работы, сколько неразумный извозчик валит на ломовую ло-

шадь»¹⁰. «Самым страшным» для чиновников, писал В.Н. Анучин, было заведование несколькими участками [5, с. 38]. Когда в 1908–1909 гг. судебное начальство Томской губернии решило выяснить причины «малоуспешной деятельности» мировой юстиции Томского округа, выяснилось, что некоторые судьи обслуживали по два участка, и, естественно, не могли справиться со всеми делами¹¹.

Кроме перегруженности имелись и другие трудности. На обустройство камер мировых судей долгое время после реформы 1897 г. не выделялось никаких средств. Эти помещения описывал в популярной столичной газете «Право» товарищ прокурора Томского окружного суда в 1905–1906 гг. М. Войтенков:

Мировые судьи принуждены зачастую ютиться в ужасных избах при убогой обстановке. Камеры мировых судей представляют из себя такое же убожество и решительно не соответствуют своему назначению. Убожество камер, ютящихся в отвратительных избах, объясняется еще и тем, что на устройство камер были отпущены в каждом участке весьма скудные средства, и лишь один раз – при проведении реформы в Сибири. С течением же времени камерное имущество, и без того незавидное, переходя от одного судьи к другому, пришло в ветхость и совершенную негодность, благодаря чему во многих камерах нет скамей для публики, нет даже стола и стула для судьи, нет такой роскоши, как сукно для стола, а если имеется, то представляет из себя в большинстве случаев удивительно грязные лохмотья. О таких же непрременных принадлежностях, как свидетельская комната, помещение для архива или хранения вещественных доказательств, и говорить не приходится, ибо таковых нигде нет» [3].

Явно недостаточными были суммы, выделяемые на покрытие канцелярских расходов, и некоторые мировые судьи считали главным препятствием своей деятельности «крайне недостаточный размер канцелярских средств»¹². К примеру, в 1913 г. в округе Барнаульского окружного суда на эти цели было получено 18 596 руб., тогда как мировыми судьями фактически было потрачено 26 062 руб.¹³ Вообще, у судей зачастую отсутствовали средства на наем камер, сторожей, письмоводителей, оплату освещения и отопления судебных помещений, покупку самых необходимых для работы вещей – сейфов, мебели. На все это они тратили собственные деньги, залезая в долги. В 1908 г. мировые судьи Томска решили создать специальную комиссию, целью которой являлось определение размера сумм, необходимых на нормальное обеспечение их жизни и деятельности. Они собрали сведения о ценах в губернском городе, и оказалось, что на содержание камеры с канцелярией фактически тратилось 2800 руб. в год, тогда как на эти нужды казна отпуска-

⁶ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 32–33.

⁷ Там же. Д. 67. Л. 14–16.

⁸ Там же. Д. 133. Л. 7, 10, 17.

⁹ Там же. Д. 73. Л. 6–6 об., 26–26 об.

¹⁰ Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сиб. вопросы. 1909. № 45.

¹¹ ГАТО. Ф-10 Оп. 1. Д. 133. Л. 9, 14–15, 26.

¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 115.

¹³ ИА ОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 261. Л. 184 об.

ла лишь 1200 руб. Поэтому мировые судьи нанимали под камеры тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, в качестве служебного персонала использовали случайных и неблагонадежных людей¹⁴.

В особенно тяжелых условиях приходилось работать судьям, камеры которых располагались в самых далеких сибирских селениях. Трагичность положения таких служащих показана в представлении мирового судьи 4-го участка Барнаульского уезда Томской губернии (камера в с. Карасук) С.В. Дианина в Томский окружной от 27 января 1909 г. Он писал:

Деятельность мировых судей вообще довольно трудная по количеству работы, тяжесть эта усугубляется еще и тем, что резиденции участков некоторых мировых судей заброшены в такие углы Сибири, что эти мировые судьи обречены на совершенную изолированность от остального культурного мира, к числу таких участков надо отнести 4-й следственно-мировой участок Барнаульского уезда с резиденцией в с. Карасук. Карасук расположен от железной дороги в 170 верстах, от ближайшего города (Каинска) в 200 верстах, от уездного (Барнаула) в 400 верстах. Понятно, что при таком географическом положении Карасука мировой судья обречен почти на безвыездное пребывание в глухом селе. Интеллигенции в селе почти нет, был крестьянский начальник и ветеринарный врач, да эти предпочли жить в с. Ярком в 100 верстах от Карасука ... Карасук расположен в неприглядной степи с постоянными ветрами летом и выюгами зимой, ощущается постоянный недостаток дров, получить дрова совершенно невозможно, сколько стоит трудов и напрасной потери времени, не говоря уже о денежных затратах, чтобы купить сажень гнилых дров. Проживая почти без выезда в Карасуке 2 года, я по справедливости могу подтвердить нелестный для Карасука отзыв на судейском языке, что это "место добровольной ссылки для молодых и принудительной для старых юристов". Жизни общественной в Карасуке почти нет никакой, если же к тому мировой судья не успел обзавестись семьей, то он обречен на полнейшее одиночество; единственно, что может удовлетворить и заставить забытья – это работа и работа ... всякий человек чувствует себя в Карасуке временным гостем и живет надеждой получить более лучшее для него место. Прожить в Карасуке 2 года уже вполне достаточно, чтобы всеми фибрами своей души рваться отсюда, куда-нибудь уехать и больше не возвращаться!»¹⁵

Отсутствие съездов мировых судей «вместо предполагавшихся удобств, породило только неудобства», – считал В.Н. Анучин [5]. Чиновники лишались возможности обмениваться опытом, больше всего пострадала судейская молодежь. Невозможность «для заброшенного в захолустье судьи посоветоваться со знающим человеком», по мнению старшего председателя Омской судебной палаты В.В. Едличко, стала одной из основных причин недостатков в деятель-

ности мировой юстиции¹⁶. В.Н. Анучин писал: «Беспрепятственно встречаются юридические вопросы, над которыми должен подумать даже опытный юрист, не то что "начинающий карьеру" молодой человек ... Сосед-судья – самое меньшее за 75 верст, а разрешать вопрос нужно скорее. И судья разрешает его наугад, под страхом личной ответственности в случае ошибки» [5, с. 35–36].

Случай, произошедший с мировым судьей 3-го участка Барнаульского уезда Г.В. Топор-Робчинским, характеризует не только положение молодого судебного чиновника в отдаленных районах, но и постановку дела правосудия в Сибири в целом. Судебная палата обвинила судью в неправильных действиях, несоблюдении процессуальных норм, «крайней медленности» по следственному производству о братьях П. и Н. Собачкиных, начатому 16 августа 1907 г. Г.В. Топор-Робчинский допросить братьев смог лишь 19 сентября, поскольку они находились под арестом в 90 верстах от его резиденции, а он был чрезвычайно занят текущими делами. Но, главное, судья, проработавший в должности всего три месяца и не знавший способов, которые обычно практиковались по такому роду дел местными следователями, добросовестно вел дело в «порядке публичного обвинения», а не так, как было необходимо, «по частным жалобам»¹⁷.

Следствие неверно проводилось почти полгода и затягивалось в связи с обычными для сибирских условий обстоятельствами (например, посланные судьей за месяц повестки не доходили до адреса). Г.В. Топор-Робчинский узнал случайно, что проводит расследование с ошибками лишь 16 февраля 1908 г. от проезжавшего через его резиденцию мирового судьи соседнего участка. Дело в порядке «по частным жалобам» приобрело иной поворот. Частный обвинитель отказался от обвинения, и судья освободил находившегося по ошибке под арестом в течение пяти месяцев Н. Собачкина (П. Собачкин был отпущен раньше за отсутствием улик). Неправильное ведение следствия Г.В. Топор-Робчинский объяснял своей молодостью и неопытностью, а медленность производства связывал с занятостью, вызванной «той массой дел, которая имела в участке». Судебное начальство оправдало работавшего в таких условиях судью¹⁸.

Все перечисленное делало службу мировых судей в Сибири малопривлекательной, не престижной и просто невыносимой. Р.Л. Вейсман в свойственной ему манере говорил, что «если предстоит писать жития святых, то надо было бы составить описание жизни мировых судей в Сибири и их самоотвержение и муки положения, создалась бы ужасная картина судебного илотства. И на их могильных плитах следовало бы начертать: "Здесь преждевременно почил раб божий NN, павший жертвой скупости сокращенных штатов, вследствие недостатка средств, необходимых для бо-

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–23; Д. 186. Л. 433 об., 461–462.

¹⁵ Там же. Д. 183. Л. 13–14 об.

¹⁶ ИА ОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.

¹⁷ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 147. Л. 3–5 об.

¹⁸ Там же. Л. 4–6, 12–12 об.

лее важных потребностей государства, чем правосудие» [1, с. 43].

Поступление огромного количества дел, исполнение всех обязанностей требовало от мировых судей большого напряжения сил. Они зачастую работали по выходным дням [6, с. 14], а некоторые из них, как писал Р.Л. Вейсман, «буквально сходили с ума» [1, с. 41]. И действительно сами судьи иногда оправдывали свои неправильные действия помутнением рассудка из-за перенапряжения. Так, мировой судья 5-го участка Змеиногорского уезда Томской губернии А.И. Покровский неправильно применил статью Устава о наказаниях по одному из дел и объяснил это «случайным мимолетным затмением или потемнением памяти», связанным с «переутомлением нервной системы, вызванным чрезвычайно напряженной деятельностью»¹⁹. «Захворав», мировые судьи, как отмечал В.Н. Анучин, «перемогались и работали, пока не сваливались» [5, с. 38], либо осмеливались ходатайствовать у начальства назначения в другую, более комфортную для здоровья местность. Например, в 1909 г. судья 1-го участка Мариинского уезда К.Е. Стеблин-Каменский, заболев малярией, просил перевести его в участок одного из крупных городов²⁰.

Судебное руководство, хотя неявно, признавало вредность судейской службы в сибирских условиях. Так, в решении Омской судебной палаты о строительстве санатория (1914 г.) записано, что санаторий предназначался для помощи «переутомившимся или временно потерявшим здоровье на тяжелом поприще служения государю и отчизне в рядах судебных деятелей»²¹.

Негативные последствия нерационального устройства института мировых судей начали проявляться еще до его введения в крае. Некоторые судебные деятели, ссылаясь на трудности в исполнении многих обязанностей, отказывались ехать в Сибирь²². После проведения реформы в 1897 г. мировые судьи начали бросать свою службу и уезжать обратно в Европейскую Россию²³ или искать себе применение в других судебных учреждениях, в адвокатуре [1, с. 41]. Мотивировать отказ от работы в мировой юстиции им не представляло труда. Один из таких чиновников писал: «Работать в должности мирового судьи мне пришлось при таком огромном числе дел и при столь незначительных окладах квартирных и канцелярских денег, что в первый же год этой службы я и здоровье свое расстроил, и личного денежного долга для поддержания необходимого порядка в своей канцелярии сделал больше 1200 рублей»²⁴.

Чтобы справиться с возрастающим потоком дел, мировые судьи вынуждены были прибегать к всякого рода противозаконным способам. Соккрытие след-

ственных дел под судебными и наоборот [7, с. 249], игнорирование требований закона, обязывающих рассматривать дела в селениях, ближайших к местам их возникновения [5, с. 30], стали обычными для деятельности сибирских мировых судей явлениями. Некоторые из них, уличенные в служебных преступлениях или в медленном рассмотрении дел, часто оправдывали свои действия или бездействие тем, что выполнять все возложенные на них обязанности, строго следуя предписанным правилам, невозможно. Множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на выезды в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуторовского уезда²⁵, один из которых вовсе перестал производить предварительные следствия²⁶.

В отдельных случаях не расследовались даже убийства. Тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман докладывал императору об известных ему фактах «окарауливания» населением трупов с признаками насильственной смерти. В одном из сел такой мертвец без обследования пролежал 106 дней²⁷. В письме из Тюкалинского уезда в редакцию журнала «Сибирские вопросы» сообщалось о покойниках, лежавших в деревнях повсеместно без вскрытия по два–три месяца. Следствия по фактам убийств, по мнению корреспондента, велись лишь тогда, когда останки накапливались и «лежали чуть ли не в каждой деревне»²⁸. Правда, отнюдь не вся вина за волокиту по такого рода делам лежала на юстиции. В некоторых районах отсутствовали врачи, вскрывать трупы было некому²⁹.

Особенности сибирских условий и многочисленные отступления в устройстве института мировых судей ставили перед западносибирскими судьями сложные задачи, а недофинансирование со стороны государства делало порой невозможным их решение. Работа мирового суда не подкреплялась материальными, людскими и денежными ресурсами: казенный интерес при организации судебной службы преобладал над потребностями общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сиб. вопросы. 1908. № 3/4.
2. А.Х. Мировой судья в Сибири // Сиб. вопросы. 1911. № 5/6.
3. Войтенков М. Мировой судья в Сибири и Забайкалье // Право. 1911. 30 янв.
4. Анучин В.Н. К десятилетию судебной реформы в Сибири // Сиб. жизнь. 1907. 1 июля.
5. Анучин В.Н. Пасынки Фемиды // Сиб. вопросы. 1909. № 49/50.
6. Томская хроника // Сиб. отголоски. 1906. № 12.
7. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.

¹⁹ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 142. Л. 7–8.

²⁰ Там же. Д. 183. Л. 24.

²¹ ИА ОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 279. Л. 2–3.

²² Восточное обозрение. 1897. 23 июля.

²³ Хроника внутренней жизни // Рус. богатство. 1898. № 8. С. 170

²⁴ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–12.

²⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 31–32.

²⁶ Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 45.

²⁷ РГИА. Коллекция печатных записок № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г. С. 13.

²⁸ Хроника // Сиб. вопросы. 1911. № 2/3.

²⁹ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 133. Л. 4–5.